

„Herald“.

Фельетонъ „Одес. Новостей“.

1-го февраля 1900 года.

„Въ оврагъ“.

Новая повесть Антона Чехова.
(„Жизнь“ январь).

Каждому изъ насъ, навѣрно, покажется очень знакомымъ это село Ужеево, село „въ оврагъ“, про которое прохожіе могутъ только сказать: „Это то самое, гдѣ дядюшкѣ на похоронахъ всю икру съѣлъ“. Остальные его признаки только дополняютъ сохранявшійся въ нашей памяти образъ: толстая грязь съ непереводами лихорадками, небольшая рѣчка, зараженная фабричными стоками, сибирская язва на скотѣ, захудалость въ людяхъ. Село это похоже на многія другія фабричныя и придорожныя села, и жизнь въ немъ такая-же печальная, однообразная и скучная, но въ немъ совершаются событія, нѣсколько новыя и до того мало извѣстныя, и въ нихъ потокомъ канутъ преданія подобныя тому, что дядюшкѣ съѣлъ 4 фунта вернойстой икры на поминкахъ у фабришнта Костикова.

Во всѣхъ этихъ событіяхъ „мужики“ отступаютъ на задній планъ или, вѣрнѣе, составляютъ фонъ картины, главными-же дѣйствующими лицами являются выходцы изъ той-же мужицкой среды, — деревенскіе богатыи и мѣрзавцы, современная сельская буржуазія. Она еще очень мало отдѣлилась отъ деревни т. е. плохо специализировалась и обособилась и еще меньше возвысилась надъ нею своими привычками и нравами. Попрежнему она родится съ мужикомъ, закипаетъ и заезжаетъ передъ нимъ въ случаѣ бѣды, но въ обычное время держитъ свое кулачное знамя очень высоко и производитъ очень исправно процессъ „первоначальнаго накопленія“. Яркимъ типомъ этой деревенско-кулацкой среды является герой повѣсти Григорій Петровичъ Цыбукинъ. „Григорій держалъ безалайную лавочку, но это

только для вида, на самомъ-же дѣлѣ торговалъ водкой, снотомъ, кожанымъ, хлѣбомъ въ зернѣ, синими, торговалъ чѣмъ придется, и когда, наприкирѣ, за-границу требовались для дамскихъ шляпъ европки, то онъ наживалъ на каждой парѣ по тридцати копеекъ; онъ скушалъ лѣсъ на срубъ, давалъ деньги въ ростъ, вообще былъ старикъ оборотливый“. Мужика онъ страшно не любилъ и всячески выжималъ изъ него послѣдніе соки, а когда мужикъ приходилъ клянчить и просить, онъ гналъ его безъ послабленія. Нищихъ не допускалъ. Цѣль и смыслъ его существованія заключались въ нажитѣ, въ обогащеніи семьи, и только жена его вносила въ эту ожесточенную погоню нѣкоторое снисхожденіе, смягчала травлю на деревенскаго звѣря. Эта богомольная и благочестивая женщина со своими тихими рѣчками „о-хъ-те-хъ-те!“, съ своими горящими лампаками, подачей милостыни и неисчерпаемымъ запасомъ варенья, который беспрерывно угощала всѣхъ, являлась свѣтлымъ лучемъ въ этой мрачной и адской атмосферѣ, гдѣ „грѣхъ, казавось, сгустившись, уже туманомъ стоялъ въ воздухѣ“. Впрочемъ, она не помѣшала свершиться въ домѣ самымъ гнуснымъ преступленіемъ и чудовищнымъ злодѣйствомъ.

Въ домѣ царилъ и всѣмъ верховодила невѣстка Акулина. У нея были „сѣрые, навислые глаза, которые рѣдко мигали, и на лицѣ постоянно играла навислая улыбка. И въ этихъ немигающихъ глазахъ, и въ маленькой головѣ на длинной шеѣ, и въ ея стройности было что-то злѣнное; зеленая, съ желтой грудью (т. е. ея платая), съ улыбкой, она глядѣла, какъ весной изъ молодой рѣки глядитъ на прохожаго гадока, вытанувшись и поднявъ голову“. Ея мужъ, сынъ Григорія, былъ глухой и большой идиотъ, и это ей развязывало руки: она находилась не только въ близкихъ отношеніяхъ съ однимъ изъ фабрикантовъ, но и вошла съ нимъ въ діловыя сдѣлки. Все шло-бы хорошо для всего дома, если-бы не второй сынъ Григорія, служившій въ городѣ по емской части

и писавшій чужой рукой родителямъ такіе письма: „Любезные папаша и мамаша, посылаю вамъ фунтъ прѣточнаго чаю для удовольствія вещей физической потребности“. Этого „агента“, въ одинъ изъ его прѣдаговъ до-ной женили на молодой, красивой, но бѣдной и робкой пощенницѣ Липѣ („для понощи въ домъ“, „для хозяйства“), а вскорѣ этого же молодца оступили въ каторгу за сбытъ фальшивыхъ монетъ, которыми, между прочимъ, онъ щедро надѣлилъ и своихъ въ деревнѣ. Молодая Липа осталась съ сыномъ, которому старикъ намѣревался оставить все свое состояніе, какъ единственному наследнику. Но тутъ произошла вѣсть „гадюки“. Она оппориаваетъ кн-паткомъ младенца-наследника, отъ чего послѣдній умираетъ, выгоняетъ изъ дому его мать „каторжницу“, а старика такъ сокращаетъ, что онъ, полюбимый и голодный, съносится по улицѣ и вызываетъ жалость и участіе прохожихъ.

Выгнанная Липа опять вернулась къ матери и по прежнему вѣсть съ ней стала ходить на поденную работу, а именно нагружать въ вагоны кирпичъ съ фабрики „Храмыны младшіе и Ко“, т. е. съ фабрики золотки-Акулины. Однажды она шла съ матерью съ работы и встрѣтила несчастнаго старика. Она поклонилась ему и нѣтъ томе. „Старикъ остановился и, ничего не говоря, смотрѣлъ на обѣихъ; губы у него дрожали и глаза были полны слезъ. Липа достала изъ узелка у матери кусокъ пирога съ кашей и подала ему. Онъ взялъ и сталъ ѣсть“. Мать и дочь ушли дальше „и долго потокомъ крестились“.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всю оригинальность и своеобразность, на всю типичность и законченность упомянутыхъ нами вкратцѣ образовъ изъ міра сельской буржуазіи, центръ тяжести повѣсти, ея преимущественный интересъ, заключается все же не въ немъ, а въ „мужикахъ“ и въ той толпѣ, которая въ каждомъ дѣйствіи является основой происходящаго и которая, глядя въ окна во время свадьбы, говоритъ со злобой: „Насосались нашей кровью, прощай, нѣтъ на васъ

погибали!" Но главный повествовательный и психологический интерес заключается в грустной истории замужества бедной крестьянской девушки Лины и во всех печальных последствиях этой истории. Видя впервые все ужасы своего нового положения, этот подросток спрашивает свою мать: "И зачѣмъ ты отдала меня сюда, мамочка?" Но что могла ей ответить бедная женщина, которую в свое время также "отдали" и которая, однажды испугавшись крика сердитого барина, так и осталась на всю жизнь с трепетом и страхом. Она ответила дочери: "Замужъ идти нужно, дочка. Такъ ужъ не намъ положено". И послушная девочка выполняла, что "положено", но когда умеръ ее мальчишка, которого она такъ обожала, приговаривая: "Выросъ ужъ большо-ой, большо-ой, мужикъ будешь, вѣстѣ на поденку пойдешь", такъ очень сердилась свою тещу, когда умеръ этот "будущий кунецъ", но жизнью тещи, молодомъ нѣтъ навязно спрашивала своего случайного попутчика: "И скажи мнѣ, дѣдушка, зачѣмъ маленькому передъ смертью мучиться? Когда мучается большо-ой человекъ, мужикъ или женщина, то грѣхи прощаются, а зачѣмъ маленькому, когда у него нѣтъ грѣховъ? Зачѣмъ?" И зачѣмъ еще спрашивала: "Когда человекъ померетъ, то сколько дней его душа потонетъ по землѣ ходить?" Но "дѣдушка" не могъ ответить на вопросъ и сослался на Вавилу, который "въ школу ходилъ", а потому все знает. Вавила подумалъ и сказалъ: "Девять день". Мой дядя Кирилло померетъ, "такъ его душа въ избѣ нашей жила потому тринадцать день", потому что "тринадцать день въ ночь стучало".

Мы не можемъ передать всей поэзии описанія той ночи, когда эта несчастная женщина сидѣла возле пруда съ маленькимъ покойникомъ на рукахъ, завернутымъ въ одеяло. Вся эта картина ночи съ мрачными крикомъ выпли, кваканьемъ лягушекъ и проч. плавается безотрадно, гнетущее настроение. "Какой былъ шумъ! Казалось, что все эти твари кричали и вѣли нарочно, чтобы никто не спалъ въ

этотъ весенній вечеръ, чтобы все, даже сердитыя лягушки, дорожки и наслаждались каждой минутой: вѣдь жизнь дѣтся только одинъ разъ!" И право, нѣждѣ впечатлѣніемъ этого описанія забывается и этотъ единственный разъ — такъ много меланхолически и грусти разлитого художникомъ въ самомъ изображеніи этой "живущей" ночи. Мрачная эта жизнь — такъ и кажется, что каждая изъ этихъ "тварей" пытается другой или, но крайней мѣрѣ, на счетъ другой и что каждое изъ этихъ изображеній есть вырванный кусокъ.

Безотрадно въ жизни, грустно въ природѣ, и Лина находитъ нѣкоторое утѣшеніе въ трудѣ, въ той "поденщицѣ", въ которой привыкла съ дѣтства и въ которой готовила въ мысляхъ своего сынчика. Работа была ей стѣсней, и послѣ отъѣзда мужа, котораго она такъ боялась, она тотчасъ же съ наслажденіемъ стала жить дѣтскими и проч., вообще, работать. Ни въ чемъ другомъ она не могла найти смысла жизни, такъ болѣе, что и негдѣ и не въ чемъ было искать его. Сама теща ее, причитая и вздыхая "охъ-техъ-те!", — жаловалась уѣзжавшему Анисиму (мужу Лины), что "сочно жить", потому что "ужъ очень народъ обижаетъ". "Лошадь-ли и няня-ли", — говоритъ она, — покупаемъ-ли что, работника-ли нанимаемъ — на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ", и въ заключеніе угрожаетъ, что "у Бога судъ праведный". Но Анисимъ сидѣлъ надъ этимъ судомъ и если не отрицаетъ существованія Бога, то выражаетъ явное невѣріе въ него и рассказываетъ, что на отсутствіи страха Божія онъ и воспитанъ. "Вы какъ-то сказывали, что у Гантарева барановъ украли... Я нашелъ: это шикаловскій мужикъ украсть: онъ украсть, и шкурки-то у падали... Вотъ вамъ и вѣра!" — такъ закончилъ невѣрующій Ленокъ, испытанный угрызениями совѣсти только въ церкви подъ напывомъ воспоминаній дѣтства.

Напрасно стали-бы мы подходить къ новой повѣсти г. Чехова съ какими-либо предвзятыми идеями или требованиями. Намъ кажется, что въ такомъ случаѣ мы знали-бы въ ту-же

ошибку, какую сдѣлали многіе послѣ появленія "Мужиковъ". Тамъ увидѣли посрамленіе общинныхъ устоевъ, деревенскаго уклада и торжество городской цивилизаціи въ лицѣ вернушагося полового, — здѣсь могутъ усмотрѣть, наоборотъ, опроверженіе городскихъ сообразовъ вѣстѣ съ "секретной" агентурой и событіемъ фальшивыхъ денегъ, торжество и ростъ сельской буржуазіи въ лицѣ Коеніи Абрамовны (si-devant Аксиньи) т. е. въ лицѣ фирмы "Храстыны младшіе и К°.", образовавшейся на развалинахъ самодурскаго и нервы бытнаго кулацкаго дома Григорія Цыбукина, хранившаго традиціи прошлаго и не морывавшаго съ крестьянскими міромъ. Въ повѣсти можно видѣть картину полной дифференціаціи крестьянскаго міра на работающихъ и работу дающихъ, вѣрнѣе — отдаленіе отъ крестьянскаго міра эксплуататоровъ и обращеніе эксплуатируемыхъ въ одну определенную группу. Можно найти тутъ черты классовой группы, обреченной на зависимость отъ капиталистовъ (въ повѣсти упоминаются только крестьянскіе луга и покосы, но ничего не говорится о помещикахъ). Можно усмотрѣть и еще какія-нибудь особенности села Уклеева. Но не будемъ гоняться за фикціями и приста- вать къ новому произведенію со своими предвзятыми тенденціями, не станемъ искать этой тенденціи и въ повѣсти г. Чехова: возьмемъ то, что она даетъ намъ, осмыслимъ то, что художникъ отразилъ въ своемъ непосредственномъ творчествѣ.

Какое намъ дѣло до того, что хотѣлъ сказать авторъ и хотѣлъ ли онъ выразить что-нибудь особенное, напр., въ немногихъ строкахъ, посвященныхъ двумъ портнихамъ-сестрамъ изъ деревни Шикаловой, шившимъ платья къ свадьбѣ. Онѣ очень много работали: "Когда портнихи кончили, то Цыбукинъ заплатилъ имъ не деньгами, а товарами изъ своей лавки, и онѣ ушли отъ него грустныя, держа въ рукахъ узелки со стѣариновыми свѣчами и сардинами, которыя были имъ съвѣтъ не нужны, и выйдя изъ села въ поле, сѣли на бугорки и стали плакать". И только. И какъ много тутъ

сказано, как ущемляется сердце это вводное место, и вачьм мы туть будем мудрствовать о бесилин кустарнаго производства, когда и намь плакать хочется оть этих ненногих простых словь „сѣли на бугорок в стали плакать“...

Право же, намь совершенно неизвѣстно, что хотѣли и хотѣли-ли вообще, г. Чеховъ „выразить“ что-нибудь особенное, а также не знаетъ, какое въ „основоложеніи“ будетъ вновь подкрѣплено этой новой повѣстью его въ „Жизни“. Несомнѣнно только то, что она написана съ замѣчательной теплотой чувства, столь рѣдко встрѣчающейся въ болѣе или менѣе холодныхъ и объективныхъ писаніяхъ этого талантливаго автора. Чувство жалости пронизываетъ васъ глубоко, и не только по отношенію къ бѣдняжкѣ Липѣ и ея несчастной матери, но и къ жалкому старикъ, нѣкогда дравшему съ живого и жертваго, а нынѣ брошенному, одинокому, безпомощному и голодному, и ко всей этой жалкой окупѣ, и къ несчастному селу Уклееву, „тому самому, гдѣ дычокъ на похоронахъ всю окру сѣмь“ и гдѣ теперь и не такіа страшныя дѣла дѣлаются.

Но при всемъ этомъ обычное впечатлѣніе отъ произведеній г. Чехова остается у васъ и при этомъ чтеніи: жалость и участие васъ все-таки не примиряютъ, какъ, напр., въ произведеніяхъ г. Короженко, и у васъ остается камень за пазухой. Эта жесткость и чувство непримиреннаго ожесточенія и вражды остаются въ васъ даже и тогда, когда авторъ старается облегчить васъ отъ него. Напр., вотъ мѣсто: „И чувство безутѣшной скорби готово было овладѣть ими (т. е. Липой и ея матерью). Но казалось имъ, кто-то смотритъ съ высоты неба, изъ синевы, оттуда, гдѣ звѣзды, видятъ все, что происходитъ въ Уклеевѣ, сторожить. И какъ ни велико вло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью“... И онъ уснул, но мы то съ вами не усла-

дился этой кашей меду, разлитой въ огромной бочкѣ дегтю. Чѣмъ-то безнадежнымъ и безысходнымъ вѣетъ отъ всей этой маленькой драмы, ни одно дѣйствіе которой не внушаетъ вамъ никакихъ иллюзій и розовыхъ мечтаній. Все тутъ мрачно, реально и неподдѣльно страшно. Вамъ страшно за этихъ людей, барахтающихся въ „оврагѣ“, мучающихся и пожирающихъ другъ друга. Вамъ не столько жалко ихъ, какъ страшно и больно за нихъ. Обратите вниманіе на приведенный нами конецъ повѣсти. Не кажется ли вамъ, что такъ должно быть и такъ всегда будетъ, что ограбленный и выгнанный изъ дому человекъ долженъ смиряться въ голодѣ и слезахъ, а забитыя горель и нуждой женщины, проходя мимо, должны подавать ему кусочекъ пирога съ кашей и молитвенно креститься, долго креститься въ слѣдъ?

Въ этой сжатой передачѣ мы не только не исчерпали богатаго содержания повѣсти, но даже и не отиѣтили всѣхъ, правда не вполне разработанныхъ, но очень ярко обрисованныхъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, напр., подрадника Елизарова, онъ же Костыль, сторожа Якова и т. п. И тутъ сказалась удивительная манера этого писателя—умѣнье въ немногихъ словахъ и легкихъ штрихахъ обрисовать самый сложный душевный процессъ, самый трудный общественный типъ и самый живой образъ. Въ послѣдней повѣсти г. Чехова литература приобрѣла новое и выдающееся художественное произведение, а современная деревня еще разъ нашла въ немъ своего талантливаго бытописателя. И еще разъ эта повѣсть служить иллюстраціей къ нашей мысли, что мужикъ вовсе не изгнанъ изъ литературы и что, перемѣнивъ лапти на сапоги, онъ попрежнему властно лѣзетъ въ нее обѣими ногами.

И. Г.